

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19139-54>

Исследовательская статья

Победоносцева-Кая Анжелика Олеговна,
к.и.н., старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
apobedonostseva@gmail.com

«ОТКАЗЫВАТЬ ИМ ВСЕМ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРОПУСКЕ К НАМ...»: НАКШБАНДИЙА-ХАЛИДИЙА В КУРДИСТАНЕ И ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. В статье рассматривается история контактов между горскими народами Кавказа и курдами Турции и Персии в XVIII–XIX вв. Используя дипломатические и другие официальные документы, а также мемуарную литературу и обобщая результаты прежних исследований, автор анализирует динамику и особенности соответствующих контактов в контексте геополитического соперничества в регионе. Соседство Дагестана и Курдистана, их расположение на пересечении путей торговцев и паломников привело не только к формированию разнообразных конфессиональных общин, но и к закреплению трансрегиональных связей в результате распространения духовных практик, в частности суфийских. Курдско-кавказские связи сыграли значительную роль в появлении и укреплении на Кавказе халидийской ветви Накшбандийского тариката, одного из наиболее влиятельных в исламском мире. Территориальное расширение Российской империи привело к включению уже в первой трети XIX в. в ее состав ряда территорий с курдским населением. Опасения российских властей в связи с курдско-дагестанским взаимодействием по «халидийскому» каналу в годы Кавказской войны стало одной из причин применения российской стороной по отношению к курдам административных мер, которые заложили основы для дальнейшей политики России по отношению к курдам. В то же время политическое значение трансграничной солидарности оказалось временно ограниченным, что показывает сложную природу трансграничного взаимодействия даже в рамках следующих единой идеологии религиозных движений.

Ключевые слова: курды; имам Шамиль; Дагестан; мюридизм; Накшбандийа-Халидийа; суфизм; Джафар-ага Али-бек Шамшадин-оглы (Шамшадинов); историография Кавказа.

Для цитирования: Победоносцева-Кая А.О. «Отказывать им всем без исключения в пропуске к нам...»: Накшбандийа-Халидийа в Курдистане и Дагестане // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 1. С. 39-54 . doi.org/10.32653/CH19139-54

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH19139-54>

Research paper

Angelika O. Pobedonostseva-Kaya,
PhD (History), Senior Lecturer,
Saint-Petersburg State University, Russia
apobedonostseva@gmail.com

“TO PROHIBIT THEM ALL WITHOUT EXCEPTION ENTERING OUR REALM...”: NAQSHBANDIYA-KHALIDIYA IN KURDISTAN AND DAGESTAN

Abstract. The article deals with the history of contacts between the mountain peoples of the Caucasus and the Kurds of the Ottoman Empire and Persia in the 18th - 19th centuries. Using diplomatic and other official documents, as well as memoirs and summarizing the results of previous studies, the article analyzes the dynamics and characteristics of these contacts in the context of geopolitical rivalry of several empires in the region. The proximity of Dagestan and Kurdistan, their location at the crossroads of merchants and pilgrims led not only to the formation of diverse confessional communities, but also to the strengthening of trans-regional ties as a result of the spread of spiritual practices, in particular Sufi ones. Kurdish-Caucasian ties played a significant role in the emergence and strengthening in the Caucasus of the Khalidian branch of the Naqshbandi tariqa, one of the most influential Sufi traditions in the Islamic world. The territorial expansion of the Russian Empire in the first third of the 19th century led to its establishing control over a number of territories with Kurdish population, while the fears of the Russian authorities in connection with the Kurdish-Dagestani interaction through the “Khalidian” channel during the years of the Caucasian War became one of the reasons for the Russian authorities to apply administrative measures against the Kurds, which laid the foundation for Russia’s future policy towards the Kurds. At the same time, the political significance of cross-border solidarity turned out to be temporarily limited, which proves the complicated nature of cross-border interaction even within the framework of religious movements sharing a single ideology.

Keywords: Kurds; Imam Shamil; Dagestan; muridism; Naqshbandiyya-Khalidiya; sufism; Jafar-aga Ali-bek Shamshadin-ogly (Shamshadinov); historiography of the Caucasus.

For citation: Pobedonostseva-Kaya A.O. “To prohibit them all without exception entering our realm...”: Naqshbandiya-Khalidiya in Kurdistan and Dagestan. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2023. Vol. 19. N. 1. P. 39-54. doi.org/10.32653/CH19139-54

Изучая жизнь курдов, нельзя не уделить значительное место исследованию жизни шейхов, их влиянию, их симпатиям и антипатиям, количеству их приверженцев... Деятельность шейхов сказывается то на Кавказе (Шамиль и его мюриды), то в странах Французской Африки с ее многочисленными завия, то в итальянской Триполитании (сенусси в современной Ливии).

В.П. Никитин

Перекресток культур и цивилизаций – эпитет в равной степени подходящий для описания и Дагестана, и Курдистана. Их пересеченный горный рельеф способствовал формированию разнообразных конфессиональных общин, а соседство и расположение на пересечении путей торговцев и паломников – закреплению связей и распространению духовных практик. «Кавказская» тема находилась в фокусе российской и советской историографии (П.Г. Бутков [1], М. Махмудбеков [2], Н.И. Покровский [3], Н.А. Смирнов [4], Р.А. Фадеев [5]) главным образом в связи с многолетними военными операциями против горцев.

Факторы, влияющие на характер восстаний, объединенных общим понятием Кавказской войны, нашли свое отражение в дипломатической переписке, рапортах, полевых исследованиях этнографов и литературных произведениях. Курдистан интересовал российских военных, чиновников и исследователей гораздо реже, в основном тогда, когда театр военных действий приближался к местам проживания курдов в Османской империи и Персии, либо когда горцы Кавказа пытались использовать караванные тропы, проходившие через Курдистан, для поддержания связей с Османской Империей, как пишет М. Гаммер [6, р. 258]. Трансграничные аспекты Кавказской войны и предшествовавших ей конфликтов горцев Кавказа с российскими властями были очевидны не только для этого автора, но предметом отдельного научного исследования становились редко. Данная статья является продолжением попытки изучить эти аспекты на примере курдско-дагестанских связей, начатой в моих работах [7]¹.

Основные данные по кавказско-курдскому взаимодействию были обнаружены в рапортах российских генеральных консулов в Тевризе – Н.А. Аничкова² и Н.В. Ханькова³. Оба дипломата воочию наблюдали процессы в Персидском Курдистане и общались с информантами, поэтому их донесения имеют особую ценность для изучения рассматриваемого периода – середины XIX в. Иными словами, речь идет о последнем десятилетии Кавказской войны, которое включало в себя и Крымскую войну 1853–1856 гг. – переломный этап в истории России, давший старт эпохе реформ Александра II.

Еще в конце 1840-х гг. по поручению кавказского наместника князя М.С. Воронцова⁴ Ханьков приступил к изучению положения мусульманского духовенства [4, с. 77].

1. *Победоносцева Кая А.О.* Курды в истории и политике России на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к.ист.н.: Спец. 07.00.03 / ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2017.

2. Аничков Николай Андриянович (1809–1892) – генеральный консул в Тевризе (1838–1853).

3. Ханьков Николай Владимирович (1819–1878) – востоковед, дипломат, автор ряда переводов и трудов по географии, помощник председателя Кавказского отдела Императорского русского географического общества (1851). В 1853 г. временно занимал должность генерального консула в Тевризе. Генеральный консул в Тевризе (1854–1857).

4. Воронцов Михаил Семенович (1782–1856) – Кавказский наместник (1844–1854).

Он внес существенный вклад в формирование концепции «мюридизма»⁵ и исходил из того, что в основе этого общественного явления лежит учение накшбандийского тариката, согласно которому, если шариат обязателен для всех мусульман, то тарикат и высшая его ступень – *хакикат* – доступны лишь желающим достичь религиозного совершенства, ради чего они становятся учениками-мюридами у наставников-мюршидов. Беспрекословное выполнение всех требований мюршида мюридами позволяло привлекать последних к *джихаду* [4, с. 19].

Дополнительным источником сведений о накшбандийских наставниках в Курдистане стали сообщения участников Международной разграничительной комиссии (1849–1852)⁶: «Путевой журнал» и письма Е.И. Чирикова⁷, М.А. Гамазова⁸ и М. Хуршида-эфенди⁹. Опубликованные ими маршруты движения комиссии включали материалы о географическом и политическом положении Курдистана, о быте и нравах курдских племен, в частности, данные о расположении резиденций шейхов [8; 9]. Не менее важным источником по кавказско-курдскому взаимодействию стали «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» [10–12], где приводится официальная переписка дипломатов с кавказским наместником князем Воронцовым и генералом Н.А. Реедом¹⁰. Эти документы использовались исследователями курдского вопроса (П.И. Аверьянов [13], Н.А. Халфин [14], В. Минорский [15]), деятельности суфийских тарикатов в Курдистане (В. Никитин [16], М. van Bruinessen [17], R. Tavakkoli [18]), Кавказской войны и «мюридизма» (М. Gammer [6], D. Gutmeur [19]) в основном для уточнения некоторых эпизодов. Также в последние годы был опубликован ряд исследований турецких авторов по сходной проблематике [20–22].

Россия на Кавказе

Историю присоединения Северного Кавказа к Российской империи можно разделить на два периода. Первый ведет свой отсчет от экспансии Русского царства в 1555–1557 гг. в территориальные владения Большой Ногайской Орды до момента гибели Гази-Мухаммада, первого имама Дагестана и Чечни, основателя Северо-Кавказского имамата, и упразднения всех автономий Дагестана к концу 1820-х гг.

Окончание первого этапа Кавказской войны совпадает с продвижением российских войск в Эриванском ханстве во время Русско-персидской войны (1804–1813). Тогда назначенный главнокомандующим в Грузии князь П.Д. Цицианов отправил 24 июля 1804 г. главе эриванских курдов Хуссейн Аге письмо [10, с. 617]. Хотя Хуссейн Ага отклонил предложение вступить в подданство России с правом сохранения власти над подвластными ему курдами, он также отказался участвовать в кампании на стороне Персии [13, с. 25]. Это не только имело стратегическое значение для закрепления российского присутствия в регионе, но и вывело курдскую политику империи на качественно новый уровень.

5. Название «мюридизм» закрепилось в источниках с подачи представителей царской администрации на Кавказе (А. Потто, А. Неверовский, К. Прушановский и др.). М. Гаммер пишет, что в российских источниках «мюридизмом» называли движение Накшбандийа-Халидийа [6, р. 40].

6. Дальнейшая деятельность комиссии была прервана Крымской войной.

7. Чириков Егор Иванович (1804–1862) – русский комиссар-посредник по турецко-персидскому разграничению (1849–1852).

8. Гамазов Матвей Авелевич (1812–1893) – секретарь комиссара-посредника Е.И. Чирикова.

9. Мехмед Хуршид-эфенди – секретарь Дервиша паши, представителя Турции.

10. Реед Николай Андреевич (1793–1855) – в связи с болезнью М.С. Воронцова в 1854 г. исполнял его обязанности до назначения на должность наместника на Кавказе Н.Н. Муравьева-Карского (1794–1866).

Русско-курдские контакты имели место и ранее, но носили преходящий, эпизодический характер. О готовности вождей некоторых курдских племен в случае объявления царем России, царем Грузии и армянами войны Османской империи принять участие в этой войне на стороне России писал в 1704 г. в своем письме курфюрсту Иоганну Вильгельму Пфальцскому авторитетный деятель армянского освободительного движения Израэль Ори. Последний был известен своей программой освобождения Армении из-под власти Османской империи и с 1695 г. проживал в Дюссельдорфе. Адресатом был выбран курфюрст Иоганн Вильгельм Пфальцский (1658–1716) как наиболее могущественный и авторитетный [23, с. 49, 253]. Кочующие в Муганской степи курды и шахсевены в 1728 г. вступили в подданство России, но оставались в нем лишь до 1732 г. [1, с. 92].

Переписка с Хуссейн Агой стала продолжением общей политики поиска договоренностей с курдами в период Русско-персидской (1804–1813) и Русско-турецкой (1806–1812) войн, в рамках которых и П.Д. Цицианов, и его преемник И.В. Гудович стремились к их нейтрализации. Российские генералы отмечали, что значительные контингенты курдов входят в состав персидской и османской армий, они же составляют собой нелояльное к России население некоторых районов, в которых действовали российские войска. В своем рапорте в 1807 г. генерал-майор Несветаев сообщал, «*что соединенная партия из Куртинцев Карсских с Лезгинами отбила весь скот селения Тисета. Сей проход для них есть свободный чрез Лорийскую степь*» [11, с. 610]. Эпизоды одновременного нападения курдов и чеченцев на казачьи патрули наблюдались на завершающем этапе Кавказской войны [19, р. 255].

Второй период Кавказской войны начинается с зарождения и распространения «мюридского» движения на Северном Кавказе и образования имамата Шамиля. Данный период завершается попыткой восстановления Северо-Кавказского имамата Хаджи-Мухаммадом ас-Сугури, сыном накшбандийского шейха Абдурахмана ас-Сугури, одним из активных участников восстания в Чечне и Дагестане в 1877 г., проходившего в контексте войны с Османской империей 1877–1878 гг.

Хотя «мюридизм» воспринимался некоторыми царскими чиновниками – а с их подачи и последующими историками – как движущая сила «газавата», трудно говорить о «мюридизме» как о некой полноценной идеологии сопротивления имперскому контролю на Кавказе. Собственно мусульманские источники того времени, касающиеся Дагестана, не говорят ни слова о «мюридизме», хотя много говорят о «джихаде» и «газавате» в контексте исламской догматики. Имам Шамиль, как и предыдущие имамы, объяснял газават не с позиции суфизма, а с точки зрения положений шафиитской правовой школы¹¹. Суфизм сыграл определенную роль в Кавказской войне, но вряд ли можно говорить о том, что он обеспечивал идеологическую базу сопротивления.

Сейиды из Нехри

Распространение одного из наиболее известных в Российской империи тариката Накшбандийа на Кавказе было тесно связано с деятельностью курдского шейха Халида аль-Багдади¹². Махмудбеков указывал на важную роль «*Халид-шаха из курдов*»,

11. См. работу М. Кемпера «К вопросу о суфийской основе джихада» и статьи К. Сидорко, А. Кныша, М. Абдуллаева, Н. Дьякова.

12. Мавляна Мухаммад Халид Зияуддин аль-Багдади (1779–1826) – из племени джаф. Родился в Шахризуре, иногда в литературе упоминается как Шахризур. Был муллоу в Сулеймании. В 1809–1811 гг. стал учеником-мюридом

который был «накшбандийским кутбом¹³ по всему Востоку» во второй половине XVIII в. [2, с. 22]. Покровский также указывал на географический сдвиг в деятельности накшбандийского тариката, связанный с этой исторической личностью: «унаследовав свой сан шейха от среднеазиатских накшбандиев, Халид-Шах действовал задолго до начала Кавказского мюридизма, на иной территории, не в Бухаре, хотя и не на Кавказе еще» [3, с. 163]. Помимо пространственного смещения, усилия Халида аль-Багдади, не стремившегося к политической власти [16, с. 311], и его последователей привели к возникновению новой ветви Накшбандийи-Халидийи, которая привлекла к себе внимание суфиев во многих регионах, включая Курдистан и Дагестан. Наибольшая политическая активность накшбандийских шейхов в Центральном Курдистане наблюдалась в двух наиболее труднодоступных районах: Шемдинан¹⁴ с шейхами в Нехри¹⁵ и Авроман¹⁶ с шейхами в Тавиле и Бийяре [16, с. 316].

Саадат-е-Нехри (Sadat-î Nehrî)¹⁷ были могущественной семьей шейхов тариката Кадирийи, но после 1811 г., при содействии самого Халида аль-Багдади, они перешли в тарикат Накшбандийи. Учение Халида оказало значительное влияние на формирование системы верований и ценностей жителей Передней Азии и Месопотамии с преобладающим курдским населением, что было связано с его авторитетом и способностями к совершению чудес (карамат): защищать живых от зла, вступать в контакт с душами умерших и узнавать будущее, в чем, согласно народной молве, они превосходили способности шейхов Кадирийи. В результате многие из них, включая первого кадирийского наставника Халида аль-Багдади Сейида Абдуллаха (ум. 1819) из Нехри, перешли в тарикат Накшбандийи [24, р. 98; 16, с. 317; 17, р. 222]. Одной из важных особенностей халидийской ветви стала преемственность¹⁸ руководства от отца к сыну [26, с. 20]. После перехода из Кадирийи в Накшбандийю большинство представителей этой семьи шейхов стали использовать вместо титула *молла* титул *сеийд*¹⁹.

Брейнессен полагает, что Халид начал широко проповедовать свое учение в тот период, когда власть большинства *миров*²⁰ уже была на исходе. Тем не менее, первое поколение назначенных Халидом шейхов-халифе еще не приобрело того огромного влияния, которым впоследствии обладали их сыновья и преемники [17, р. 230]. Должно было пройти время, чтобы этот институт устоялся. Никитин указывает на взаимосвязь между «долголетием» института шейхов и их политическими амбициями, так как шейхи выступали против чужеродного влияния на подконтрольной им территории, и «помимо религиозного рвения, их побуждают соображения личной выгоды и страх утраты авторитета, что неизбежно произойдет, если Курдистан выйдет из своей изоляции» [16, с. 317]. Шейхи, которые жили «духовными интересами» и проявляли «терпимость к инаковерующим и к политическим противникам» [16, с. 318], пострадали от укрепления центральной власти. Например, шейхи Барзана и

шейха Абдуллаха Дехлеви, прошел путь духовного становления и получил разрешение быть наставником. Благодаря своим знаниям и авторитету получил титул «Мавляна» [24, р. 97–98].

13. Лидером – прим. авт.

14. Шемдинан (сейчас Шемдинли, турецк. Şemdinli) – район в турецкой провинции Хаккари на Юго-Востоке Турции, на границе с Ираком и Ираном.

15. Нехри (сейчас Баглар, турецк. Bağlar) – главное селение района Шемдинан [24, р. 146].

16. Авроман – исторический регион на Северо-Востоке Ирака и Западе Ирана.

17. В литературе встречается также Sadat-î Şemzîni [25, с. 143].

18. В Дагестане среди Халидийи такой преемственности не было. Ни один из шейхов не передал иджазу-разрешение своему сыну.

19. См.: генеалогическая таблица шейхов Нехри [16, с. 27; 312, р. 73].

20. Мир – эмир, князь, курдский правитель эмирата.

Бабана²¹, которые отличались терпимостью и упорно уклонялись от призыва к «священной войне» [16, с. 318].

Одним из наиболее влиятельных шейхов в первой трети XIX в. становится племянник Сейида Абдуллаха – Сейид Таха I. После обучения у Мавляны Халида и возвращения в Шемдинан в 1827 г. с наставлением распространить накшбандийское учение «от Курдистана до Кавказа» [28, с. 32-33], он за короткое время собрал вокруг себя мюридов из разных социальных слоев и стал одним из наиболее влиятельных духовных лидеров от Сулеймании и Мосула до Вана, а Накшбандийа-Халидийа начала распространяться на территории Персии. Есть свидетельства действенности этих усилий, например, в пограничном районе Шемдинан оказалось серьезно ограниченным шиитское влияние из Персии [26, с. 8].

К 1820-м гг., когда Россия расширила свое присутствие в переднеазиатском регионе, шейх Сейид Таха I уже пользовался авторитетом среди курдских племен Персии и склонил их на сторону османских властей во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. У него сложились хорошие отношения с персидским правителем Мохаммед-Шахом Каджаром, даровавшим шейху несколько деревень в Персидском Курдистане, доходы от которых позволяли содержать суфийскую обитель-*текке*. К 1840 г. Сейид Таха I приобрел значительное влияние в эмирате Ботан²² [24, р. 98], а после подавления восстания ботанского курдского мира Бадрхан-бека (1843–1847) избежал ссылки и укрылся в Нехри [17, р. 231; 39, с. 381-382]. На тот момент Шемдинан представлял собой небольшой эмират, управление которым шейхи Нехри осуществляли вместе с мирами, пока не стали единоличными властителями к середине XIX в.

«Отказывать им всем без исключения в пропуске к нам...»

Проникновение тариката Накшбандийа на территорию Кавказа началось в конце XVIII в. [25, с. 212]. Как свидетельствовал сам имам Шамиль, Исмаил Ширванский (Кюрдамирский) был учеником «*муршида Халида-Сулеймана из Багдада*», который под влиянием мистического откровения-кармата передал свое учение Мухаммаду Ярагскому, чтобы тот передал его Джамал-ад-Дину Казикумухскому [29, с. 43-44]. Обращение Мухаммада Ярагского, который уже имел репутацию ученого в Дагестане, а впоследствии стал учителем и ближайшим советником имама Шамиля, в тарикат Накшбандийа-Халидийа и его публичное раскаяние в своих проступках против мусульманской общины сопровождалось не только раздачей им своего богатства общине и прочими благотворительными делами, но и критикой представителей царской администрации Дагестана. Это произвело впечатление на окружающих и вызвало их интерес к духовному возрождению, к которому призывал Мухаммад Ярагский, а именно, отказаться от обычаев неверных и вернуться к шариату [30, р. 180]. Популярности накшбандийской доктрины на Кавказе способствовало то, что мюриды не обязаны были отказываться от семейной жизни, могли продолжать мирскую жизнь или профессиональную деятельность [31, с. 106].

Оказав серьезное влияние на появление и укрепление Накшбандийи в Дагестане, курдско-кавказские связи на этом не прекратились. Имам Шамиль вскоре стал

21. Барзан – область с одноименным городом на севере Ирака; Бабан – курдский эмират на границе современных Ирака и Ирана со столицей в г. Сулеймания.

22. Ботан, или Бохтан – историческая область на юго-востоке современной Турции, где был основан одноименный курдский эмират со столицей в г. Джизре.

опасным противником России, главным образом в результате объединения под своей властью некоторых ранее разрозненных племен и селений, сопротивлявшихся территориальному расширению Российской империи, в то время как приток добровольцев в его отряды из более отдаленных стран всегда оставался на минимальном уровне [6, р. 251]. В обстановке приближавшегося с начала 1850-х гг. военного конфликта с Турцией, борьба на Кавказе с имамом Шамилем, которого Тавакколи считает одним из известных мюридов Мавляны Халида [18, с. 236, 239], приобретала для России особый смысл, а сообщения о попытках имама установить связь с курдскими духовными лидерами привлекали внимание царских властей.

Первые такие контакты относятся к 1846 г., то есть до подавления османскими властями восстания Бадрхан-бека, когда на линии Кизляр-Ставрополь был замечен необычайный сбор средств на «духовные требы», которые Аничков объясняет «цепью непрерывных сообщений от Турецкого Курдистана до самого Ставрополя», где «находились суннитские кочевья, куда ... проникают здешние курды с письмами от своих халиф» [12, с. 504]. Об отправлении Шамилем своих доверенных лиц в Курдистан впервые сообщал Ханыков [14, с. 67] во время своего визита к Чирикову в Лахиджан²³ 25–28 июня 1852 г. [8 с. 459-460]. Ханыков, сообщая о связи с 1846 г. курдов-суннитов «секты имама Шафи» с «единоверными дагестанцами»²⁴, писал о том, что у курдов «завелись мюршиды», а самым крупным из них был шейх Сейид Таха, число мюридов которого исчисляется десятками тысяч и который поддерживает регулярный контакт с имамом Шамилем²⁵. По сведениям Чирикова, выяснившего во время своей поездки местонахождение Сейида Тахи I и его халифе, имам Шамиль посылал письма и подарки шейху Сейиду Тахе I и крупному курдскому лидеру Керим-хану из Ревандуза [12, с. 500].

Представитель Шамиля, некий Хусейн (известный как Хаджи Муртаза), по поручению имама посещал курдские селения Ушну²⁶ и Ноуче²⁷, где проживал и принимал опальных гостей Сейид Таха I²⁸ [8, с. 586-587]. Деревни, где проживали шейхи, принимавшие гонимых от имама Шамиля, а также сыгравшие определенную роль в отправке курдов на Кавказ, были расположены внутри области, условно очерченной линией Шемдинан – Ревандуз – Сулеймания – Ушну – Соудж-Булак²⁹ – Урмия – Салмас³⁰, включающей в себя округа Ноуче и Лахиджан.

Несмотря на то, что и сам имам Шамиль, и его сподвижники регулярно обращались за помощью к Османской империи, а последняя издавна была заинтересована в экспансии на Кавказ, переписка имама с турецким шейх-уль-исламом зашла в тупик. Предводителя горцев разочаровала и разница в понимании идеологии священной войны и то, что османские власти проявляли заинтересованность в сотрудничестве главным образом во время боев на кавказском театре боевых действий [4, с. 69]. В результате он переключился, если не полностью, то хотя бы частично, на единоверных

23. Округ Лахиджан расположен на границе Ирака и Ирана, между Ушну, Соудж-Булаком и Ревандузом.

24. Шафиитская правовая школа является важным компонентом и курдской, и чеченской идентичности, в отличие от турок, придерживающихся ханафитского мазхаба.

25. Письмо Н.В. Ханыкова от 25 июня 1852 г. // Архив внешней политики России, СПб. Гл. арх., 9–1. Оп. 1848 .8 г. Д. 12. Ч. V. Л. 209 [14, с. 67].

26. Ушну – город на Северо-Западе Ирана, к Западу от озера Урмия.

27. Округ Ноуче – одно из названий Шемдинана [27, р. 73].

28. Записка об изучении «следов Шамилева гонца к Шейху Таха» от 11 июля 1852 г., составленная М. Гамазовым по поручению Е.И. Чирикова // АВПР, СПб. Гл. арх., 1–9. Оп. 8. 1848 г. Д. 12. Ч. V. Л. 237–242 [14 с. 67].

29. Соудж-Булак (сейчас Мехабад) – город на северо-западе Ирана, к югу от озера Урмия.

30. Другие названия: Салмаст, Дильман, Шахпур – город на северо-западе Ирана, вблизи границы с Турцией.

курдов³¹. В конце января 1854 г. из местечка Гюй³², расположенного между Сулейманией и Ревандузом, от имени соратников шейха Сейида Салеха Соудж-Булакскому шейх-уль-исламу было отправлено письменное приглашение с призывом к курдам о восстании против России [12, с. 503].

По распоряжению шейха Сейида Салеха в Турецком Курдистане был назначен особый день недели для чтения проповедей, которые российская сторона считала опасной агитацией против себя [12, с. 504]. Эти опасения подкреплялись фактами участия в сражениях на стороне османских войск значительного числа персидских курдов [12, с. 505], многие из которых были ранены [12, с. 503] при нападениях на российские силы и находились в Урмии. Французские миссионеры из Салмаса рассказывали генконсулу Аничкову, что из 50 курдов деревни Бала в Урмийском округе, которые осенью 1853 г. отправились «на Чанаул»³³, обратно вернулись только трое раненых [12, с. 505]. Генконсул писал, что курды, проживающие вблизи турецко-персидской границы, готовились весной 1954 г. выступить на защиту единоверных турок против России. К этому курдов подстрекали «особый шейх» из деревни Гех-Агач [12, с. 505].

В феврале 1854 г. Аничков смог встретиться с шейхом Тахиром, который проживал в деревне Исти-су³⁴ и, будучи халифе [6, р. 251] шейха Сейида Салеха, поддержал связь с имамом Шамилем. В 1848–1850 гг. к имаму Шамилю отправился брат шейха Тахира шейх Иса вместе с курдом по имени Джафар. Летом 1853 г. Джафар вернулся из Дагестана «вместе с муллою Халилем Дагестанским, который прожил три месяца в Исти-су и поехал к шейху Салеху, а оттуда в Бердассур³⁵; Джафар-же отправился обратно с письмами в Дагестан... что касается до шейха Исы, то уверяют, будто бы он пробрался от Шамиля в Казань» [12, с. 504]. Сообщение между Исти-су и Кизляром функционировало в обоих направлениях: множество дагестанцев приезжало для «получения «благословительных писем» от шейха Тагира и для поклонения гробу имама Анисы»³⁶, а посланцы шейха Сейида Салеха и шейха Тахира направлялись в Тифлис, а оттуда через Кизляр в Дагестан [12, с. 505].

В качестве одной из мер, направленных на нейтрализацию влияния шейхов, в частности шейха Сейида Салеха, и на пресечение мобилизации курдов на помощь Шамилю, генконсул Аничков предлагал удалить шейха из Курдистана, сообщив, что «получил теперь уведомление, что он [шейх] будет вызван в ... Урмию и подвергнут надзору». Аничков, впрочем, не считал эту меру достаточной для прекращения взаимодействия шейха Салеха с соплеменниками [12, с. 500], так как возле деревни Исти-су «находится еще множество Куртинских деревень и в них есть другие муллы» и существовал легкий способ установить с ними связь [12, с. 504]. Кроме того, Аничков опасался, что шейх Сейид Салех найдет в Урмии британских агентов, которые окажут ему содействие и используют для мобилизации курдов против Российской Империи [12, с. 500].

Рапорты о деятельности курдских накшбандийских шейхов и предложения по удалению их из Курдистана генконсул отправлял на протяжении нескольких месяцев

31. Известно, что имам Шамиль ценил курдских бойцов-мухаджиров из Курдистана. Один из них, по имени Мухаммед, принимал участие в укреплении Дарги-Ведено в 1859 г. во время осады селения Евдокимовым [32, с. 70–73].

32. Вероятно, речь о городке Кёй-Санджак на севере Ирака.

33. От турецк. çapul – грабеж, разбой, ограбление.

34. Деревня Исти-су (совр. Абгерм, перс. آبگرم) на Юго-Востоке от Салмаса.

35. Деревня Бердесор (перс. برده سور) в одноименном округе на границе с Шемдинаном. В Бердесоре находилась обитель-хангах шейха Сейида Тахи [5, с. 297].

36. Искаженное название гробницы Анаса ибн Малика. См.: URL: <https://urmiatabligh.ir/انسان-ابن-مالک/> زیارتگاه-حضرت-انسان-ابن-مالک (дата обращения: 10.09.2022).

[12, с. 503] военному министру князю В.А. Долгорукому, в императорскую миссию в Тегеране, а также ряду высокопоставленных персидских чиновников [12, с. 505]. Известная политика персидского правительства пресекать деятельность неугодных ему представителей шиитского духовенства, вызывая их в Тегеран и отправляя в ссылку, позволяла царским дипломатам рассчитывать на принятие подобных мер и по отношению к курдским шейхам, то есть на высылку их внутрь Персидского Азербайджана [12, с. 500] или во внутренние районы Персии [12, с. 504]. Аничков сообщал, что *«шахский Кабинет готовится назначить пожизненную пенсию племянникам шейха Салеха, то есть детям сеида Таха, столь известного своею враждою к нам и бывшего в сношениях с Шамилем»*, добавляя, что в подобных действиях не видит расположения к российской стороне Кабинета, так как если *«сей суннитский духовный не оказал Персии никаких услуг, то внимание к детям его, конечно, должно показаться здесь, как одобрение действий покойного против нас и поощрение к таковым же его семейства»* [12, с. 500].

По мнению Гаммера, обеспокоенность представителей царской администрации возможным участием шиитов на стороне имама Шамиля оказалась необоснованной, так как он не воспринимал закавказских шиитов как союзников. Этому способствовала давняя взаимная антипатия суннитов и шиитов, духовная и географическая обособленность этих двух мусульманских общин и халидийская антишиитская идеология [6, р. 250]. Поэтому столь примечателен сам факт поддержки персидской правящей верхушкой суннитских духовных лидеров на фоне отсутствия суннитско-шиитского взаимодействия на Кавказе. Как лицемерие было воспринято царским дипломатом и ответное персидское предложение отправить в Курдистан *«нарочного с человеком от генерального консульства, чтобы узнать, точно-ли семейство покойного сеида Таха проповедует «джехад»...»* в условиях осведомленности шахского кабинета о происходящем [12, с. 503].

В качестве другой действенной меры Аничков предлагал *«прекратить всякую выдачу из генерального консульства паспортов в Дербент, Кизляр и Темир-хан-шур»* и запросить у местной администрации обозначения в персидских паспортах *«как тех мест в наших пределах, чрез кои Персидские подданные располагают ехать в какой-либо из наших городов, так и места их жительства в самой Персии»*. Это позволило бы российским пограничным властям следить за прибывающими подданными Персии и, в случае малейшего отклонения их от оговоренного маршрута следования, высылать из России, а также, руководствуясь составленным Аничковым списком курдских деревень, отсеивать собственно курдов – поскольку *«из паспортов этого не видно»*, и вообще не впускать никого из них в пределы Российской империи [12, с. 504].

Россия, «мюридизм» и курды

Курдские контакты имама Шамиля вызывали серьезное беспокойство царских властей, заинтересованных в изоляции «мюридского» движения. В условиях Крымской войны это считалось необходимым в связи с потенциальной опасностью координации действий имама Шамиля и турецких войск, стремившихся вторгнуться в Закавказье [14, с. 67]. Царское правительство, ведя борьбу с Османской империей, принимало все меры, чтобы привлечь курдов на свою сторону. Оно и помешало согласованию действий между имамом Шамилем и курдскими духовными лидерами.

Итоги российских военных кампаний против Персии и Турции в первой трети XIX в. привели к территориальному расширению Российской империи, причем на новых территориях России в Закавказье проживали другие этнические группы, в том числе курды. Отношение курдов к России было амбивалентным. С одной стороны, однородность системы административных норм и известная способность царской администрации в Закавказье к управлению регионом гарантировала спокойное проживание, а с другой – это стремление установить порядок и подвести все народы к единому знаменателю сильно отталкивало курдов, видевших в таких мерах опасность для своего привычного образа жизни.

Кочевой образ жизни был главной преградой для развития земледелия среди курдов: он не только не позволял им заняться сельским хозяйством, но и способствовал пренебрежительному отношению к тем курдским соплеменникам, которые становились оседлыми [33, р. 491–511]. Понятие границы для кочевых курдов было условным, поскольку пути миграции различных курдских племен и сообществ и характер отгонного скотоводства формировались на протяжении веков, а новые границы России, Персии и Турции на их пути не могли одновременно изменить отношения курдов к политико-административным ограничениям перемещения. В итоге курды привычно выдвигались на летние и зимние пастбища, которые уже находились в разных странах. Такие передвижения приводили и к нарушению пограничного режима, и к подозрениям каждой из стран в отношении лояльности таких подданных, особенно в обстановке новой войны с Турцией в 1853–1856 гг., в ходе которой имперские власти занялись подготовкой боевых подразделений, состоящих из курдов, закрепления лояльности курдских лидеров и необходимости учреждения особого органа для управления курдами.

К середине XIX в. российские военно-дипломатические круги стали развивать отношения с влиятельными курдами, среди которых был и род Шамшадиновых, стоявший во главе племенной конфедерации Зилан, проживающей по обе стороны российско-турецкой границы. Во главе Зилан стоял Джафар-ага Али-бек Шамшадин-оглы, известный в исторической литературе как Шамшадинов, ставший официальным предводителем российских курдов, но обладавший также влиянием и связями с курдами Османской империи.

Джафар-Аге, получившему офицерский чин еще 1853 г., подчинялись все курды Эриванской губернии, за исключением езидов из Александропольского уезда, которые находились под управлением Темура-Аги Гасан-Ага-оглы. Джафар-Ага управлял курдами при помощи Абди-Ага Башира Ага оглы – старшины над курдами, кочующими на горе Синак, Ибрагима-Ага Али Бек оглы – старшины над курдами, кочующими на горе Алагез, Гасана Бек Мхо Бекзаде-оглы – старшины над курдами из племени Милан, Мирзы-Ага Ибрагим-Ага-оглы – старшины над курдами из племени Буруки, а также своего сына – Эйюба-Ага Джафар-Ага-оглы, который способствовал *«отцу своему майору Джафар Аге в осуществлении мер, указываемых Губернским Начальством, как для прекращения частных беспорядков, так и для прочного приобщения Курдов к быту обществ устроенных»*³⁷.

Содействие влиятельного Джафара-Ага и подчиненных ему курдских старшин царской администрации привело к успешной реализации ряда мер. В частности, *«для обращения курдов в оседлое хлебопашество и подчинения их условиям быта*

37. Народы Кавказа // РГИА Ф. 1268 Оп.10 Д.155 Л. 7-8 (оборот).

гражданского», была проведена перепись населения, «удвоившая» и предполагаемое количество курдских семейств, и сумму получаемых от них налогов³⁸.

В условиях русско-турецких войн курдов дважды привлекали к участию в боевых действиях на стороне Российской империи. Во время Крымской войны в 1854 г. были сформированы Первый и Второй Куртинские полки из закавказских курдов. Правда, к 1856 г. полки были расформированы [34, с. 726]. Опыт организации курдского полка под управлением Шамшадинова в определенной мере повлиял на создание полков Хамидийе в конце XIX в. в Османской империи [15, s. 31].

Царские чиновники видели необходимость добиться включения курдской знати в имперскую иерархию. По мнению князя А.В. Барятинского, было целесообразно заинтересовать курдских лидеров «личными служебными преимуществами и тем возбудить в них соревнование к содействию намерениям правительства». В связи с эти князь ходатайствовал о награждении наиболее отличившихся «благонамеренностью и усердным исполнением возлагаемых на них местным начальством обязанностей»³⁹. Одним из поощрений стало присутствие Джафара-аги на коронации Александра II в 1856 г., присуждение чина подполковника, награждение орденами Св. Станислава II степени и Св. Анны III степени⁴⁰.

Учреждение специального управления для курдов приобрело значение с ростом численности курдского населения в Закавказье, так как существовавшие в Российской империи правовые нормы были непривычными для бывших подданных Османской и Персидской империй, особенно это касалось судопроизводства и административно-правовых норм [35, с. 42]. Одним из первых проектов создание такого рода учреждений стали «Правила для управления куртинскими племенами», предложенные полковником М.Т. Лорис-Меликовым в 1855 г. [12, с. 427–428]. Свои соображения по данному вопросу представили также генерал-майор А.А. Суслов в «Проекте управления курдами, перешедшими в 1854 г. из Турции в Эриванскую губернию» и генерал-губернатор Эривани Назаров в «Положениях об управлении курдами» 1857 г. Но дальнейшего хода эти проекты не получили.

Только в январе 1867 г. наместник Кавказа в качестве временной меры назначил для управления кочевыми курдами Эриванского и Эчмиадзинского уездов двух приставов, каждый из которых должен был присутствовать в кочевьях и зимовниках своего ведомства. Для руководства курдами Алагеза и Эшагмейдан эриванский губернатор назначил особых чиновников. С введением в Эриванской губернии новых судебных учреждений и назначением приставов власть племенных начальников была полностью замещена царской администрацией. Курды были окончательно приравнены к остальному местному населению с той же организацией сельской общины и сельского суда, как и в других оседлых селениях [36, с. 105–107]. В Сурмалинском уезде Эриванской губернии вдоль самой черты границ Персии и Турции было расположено Приставство над курдами, русскими подданными. Курды уезда, численность которых согласно переписи 1886–1887 гг. составляла более 1500 дымов, считали себя и считались государственными крестьянами – поселянами, живущими на казенной земле и обложенными казенными податями по 13 рублей в год с дыма, за исключением тринадцати дымов, обложенных по 8 рублей, живущих на владельческой (мюлкодарской) земле⁴¹.

38. Там же. Л. 7-7 (оборот).

39. Там же. Л. 1.

40. Там же. Л. 7.

41. О наземельном устройстве // РГИА. Ф. 381. Оп. 22. Д. 22329.

Пристав над курдами Сурмалинского уезда Эриванской губернии капитан Горонович в докладной записке ходатайствовал о принятии как можно скорее ряда предложенных им мер по устройству этого племени. Однако оснований к «выделению означенных курдов из общей массы кочевников» обнаружено не было, а потому было решено, что *«устройство их должно последовать одновременно с устройством государственных крестьян Закавказского края»*, в том числе и всех кочевых обществ⁴². Организовать постоянные кадры для каждого племени на Кавказе в соответствии с его боевым потенциалом предлагал Р.А. Фадеев⁴³, говоря о том, что в мирное время достаточно 4 курдских сотен [5, с. 205–207]. Вторая попытка призвать российских курдов позволила в мае 1877 г. вновь сформировать полк, известный как Куртинский конно-иррегулярный полк, имевший в своем составе 4 сотни закавказских курдов. Полк проявил себя во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., но был расформирован уже в феврале 1878 г. [34, с. 726].

Заключение

Царской администрацией был выработан комплекс мер с целью обеспечения, по меньшей мере, нейтралитета зарубежных курдов и – как максимум – их лояльности и содействия российской политике. Это было реализовано, в частности, путем формирования курдских частей для участия в боевых действиях на стороне России в военное время.

К административным задачам, которые приходилось решать в мирное время, относились попытки унифицировать инородные и иноверные общины путем инкорпорации их наиболее влиятельных представителей в имперскую систему. Практика награждений, присвоения чинов и назначение пенсий курдским предводителям, которые, пользуясь авторитетом среди соплеменников, могли гарантировать своевременные налоговые выплаты, а также предупреждали о возможных беспорядках, в том числе на границе, и принимали участие по их ликвидации. Таким же образом в период Кавказской войны империя привлекла на свою сторону дагестанскую аристократию. Именно поэтому деятельность Гази-Мухаммада и особенно второго имама Гамзат-бека была направлена прежде всего на борьбу против них.

Российская империя начинает проведение активной политики по отношению к курдскому населению в XIX в. исходя не только из общей необходимости взаимодействовать с различными этническими и социальными группами на новоприсоединенных территориях. Петербург был обеспокоен и гораздо более конкретными тенденциями – а именно курдскими контактами имама Шамиля, которые вызывали серьезное беспокойство царской администрации, заинтересованной в изоляции «мюридского» движения. Такой интерес в условиях Крымской войны был связан с опасностью координации действий имама Шамиля и турецких войск, стремившихся вторгнуться в Закавказье. Генеральные консулы в Тебризе на основе полученной информации настаивали на срочной нейтрализации курдских духовных лидеров на сопредельной территории и предотвращении контактов между курдскими племенами и представителями имама Шамиля даже посредством полного запрета въезда курдов на имперскую территорию. Вдобавок, кавказско-курдское взаимодействие по «халидийскому»

42. Там же.

43. Фадеев Ростислав Андреевич (1882–1824) – российский военный историк, публицист, генерал-майор.

каналу послужило одним из факторов для создания курдских полков из курдов-мусульман, добровольно поступивших на военную службу.

Трансграничное взаимодействие на основе религиозной общности в ходе вооруженных конфликтов на Кавказе остается важным и все еще недостаточно изученным вопросом, который к тому же слишком часто становился жертвой политизированного подхода с пристрастным выискиванием некоей имманентной склонности определенных неславянских и нехристианских групп населения к автоматической поддержке трансграничных движений вроде панисламизма и пантюркизма. Имеет смысл выяснять реальную основу соответствующих эпизодов и изучать их, учитывая возможные альтернативные трактовки – трансграничную солидарность на основе общности социально-экономических интересов и т.п. Для решения соответствующих задач в процессе дальнейшего исследования крайне важным представляется сопоставить российские источники (как центральных, так и местных имперских властей) с османскими и персидскими материалами. Также, как показывает недавняя (увы, не лишенная изъянов в виде оправдания британского империализма) попытка Уильяма Далримпла исследовать события примерно той же эпохи в Афганистане [37], ценные сведения даже для исторического исследования столь отдаленной эпохи возможно найти в исторических и фольклорных материалах местного населения.

Важность продолжения исследования проистекает не только из необходимости закрыть пробел в российской и региональной истории. Дело в том, что, несмотря на опасения Петербурга в отношении дагестанско-курдских контактов на основе религиозной общности, в дальнейшем этот канал трансграничной солидарности угас. И это было связано не только с гонениями на суфиев в Турции и СССР – с 1950-х гг. деятельность оживилась, и позиции тариката с течением времени на северо-востоке Турции среди курдов только усиливались [38, с. 188], оживилась деятельность суфиев на Северном Кавказе после распада СССР. Тем не менее, из-за изменения геополитической ситуации, а именно трансформации роли курдского населения в регионе (бывшего в регионе твердой опорой османского правительства, периодически проводившего панисламистскую и пантюркистскую политику, но ставшего социально, политически и культурно маргинализированным в Турецкой Республике) никаких признаков серьезного дагестанско-курдского взаимодействия, особенно среди радикальных религиозных групп, в последние десятилетия не замечено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Т.1. СПб., 1869.
2. Махмудбеков М. Мюридическая секта на Кавказе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 24. Тифлис, 1898.
3. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.
4. Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963.
5. Фадеев Р.А. Собрание сочинений Т.1. Введение. Письма с Кавказа. Записки о Кавказе. СПб, 1889.
6. Ganner M. Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnya and Daghestan. L., 1994.
7. Победоносцева А.О. Роль курдских суфийских тарикатов на политической арене в XIX в. // Pax Islamica. 2012. № 1-2 (8-9). С. 286-294.

REFERENCES

1. Butkov P.G. *Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803*. Vol.1. [Materialy dlya novoy istorii Kavkaza, s 1722 po 1803 god. T.1]. S.Petersburg, 1869. (In Russ.)
2. Makhmudbekov M. The Murid sect in the Caucasus [Myuridicheskaya sekta na Kavkaze]. *Collection of materials for describing the localities and tribes of the Caucasus*. Issue. 24. Tiflis, 1898. (In Russ.)
3. Pokrovsky N.I. *Caucasian wars and Shamil's imamate* [Kavkazskiye voyny i imamat Shamilya]. Moscow, 2000. (In Russ.)
4. Smirnov N.A. *Muridism in the Caucasus* [Myuridizm na Kavkaze]. Moscow, 1963. (In Russ.)
5. Fadeev R.A. *Collected Works*. Vol. 1. [Sobraniye sochineniy]. S. Petersburg, 1889. (In Russ.)

8. Чириков Е.И. Путевой журнал Е.И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // под ред. [и с предисл.] М.А. Гамазова. СПб., 1875.
9. Хуршид-эфенди М. Сияхэт-наме-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. М., 1877.
10. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 2. Кавказ и Закавказье за время управления генерала от инфантерии Князя П.И. Цицианова (1802–1806). Тифлис, 1868.
11. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т.3. Кавказ и Закавказье за время управления генерал-фельдмаршала Графа И.В. Гудовича (1806–1809). Тифлис, 1869.
12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. 11. Кавказ и Закавказье за время управления Генерал-адъютанта Генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева (1854–1856). Тифлис, 1888.
13. Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение Турецких, Персидских и Русских курдов. Ист. очерк. Тифлис, 1900.
14. Халфин Н.А. Борьба за Курдистан (Курдский вопрос в международных отношениях XIX в.). М., 1963.
15. Минорский В. Курды: заметки и впечатления. Пг., 1915.
16. Никитин В.П. Курды. Издательство «Прогресс». М, 1964.
17. Bruinessen M. van. Agha, Shaikh and State the Social and Political Structures of Kurdistan. L.; New Jersey, 1992.
18. Tavakkoli M.R. Kürdistan tasavvuf tarihi. İstanbul: Hivda iletişim, 2010.
19. Gutmeyr D. Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility. The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878. LIT, 2017.
20. İnalçık H. Doğu Anadolu Tarihine Toplu Bir Bakış. Sosyal Bilimler Kavşağında Doğu ve Güneydoğu Anadolu, Sempozyum. Van, Van Valiliği, Yüzüncü Yıl Üniversitesi, 1997.
21. Tezcan B. The Development of the Use of 'Kurdistan' as a Geographical Description and the Incorporation of this Region into the Ottoman Empire in the 16th Century. Great Ottoman-Turkish Civilization. Ed. Kemal Çiçek. Yeni Türkiye, 2000.
22. Epözdemir Ş. 1514 Amasya Antlaşması, Kürt-Osmanlı İttifakı ve Mevlana İdris-i Bitlisi. İstanbul: Peri Yayınları, 2005.
23. Sasuni G. Kürt ulusal hareketleri ve 15.yüzyıldan günümüze Ermeni-Kürt ilişkileri. İstanbul: Peri Yayınları, 1992.
24. Gunter M. Historical Dictionary of the Kurds. Oxford, 2004.
25. Tenik A. Tarihsel süreçte Kürt coğrafyasında tasavvuf ve tarikatlar. İstanbul: Nûbihar, 2019.
26. Kaya M.K. Seyyid Taha Nehri (Hakkârî)'nin hayatı ve faaliyetleri. Yüksek Lisans Tezi, Mardin Artuklu Üniversitesi, 2017.
27. Nikitine B., Soane E.B. The Tale of Suto and Tato: Kurdish Text with Translation and Notes // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. Vol. 3.
6. Gammer M. *Muslim Resistance to the Tsar. Shamil and the Conquest of Chechnya and Daghestan*. L., 1994.
7. Pobedonostseva A.O. The role of the Kurdish Sufi tariqats in the political arena of the XIX century [Rol' kurdsikh sufysikh tarikatov na politicheskoy arene v XIX v.]. *Pax Islamica*, № 1-2 (8-9), Moscow, 2012. P. 286-294. (In Russ.)
8. Chirikov E.I. *Travel journal of E.I. Chirikov, Russian mediator commissar for the Turkish-Persian delimitation 1849-1852* [Putevoy zhurnal Ye.I. Chirikova, russkogo komissara-posrednika po turetsko-persidskomu razgranicheniyu 1849–1852]. S.Petersburg, 1875. (In Russ.)
9. Khurshid-efendi M. *Siyahat-name-i-hudud. Description of a journey along the Turkish-Persian border* [Siyahet-name-i-khudud. Opisanie puteshestviya po turetsko-persidskoy granitse]. Moscow, 1877. (In Russ.)
10. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (AKAK)*. Vol. 2. [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey]. Tiflis, 1868. (In Russ.)
11. *Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (AKAK)*. Vol.3. [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey]. Tiflis, 1869. (In Russ.)
12. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission (AKAK). Vol.11. [Akty, sobrannyye Kavkazskoy arkheograficheskoy komissiyey]. Tiflis, 1888. (In Russ.)
13. Averyanov P.I. *Kurds in the wars of Russia with Persia and Turkey during the 19th century. The current political situation of Turkish, Persian and Russian Kurds. Historical essay* [Kurdy v voynakh Rossii s Persiyey i Turtsiyey v techeniye XIX stoletiya. Sovremennoye politicheskoye polozheniye Turetskikh, Persidskikh i Russkikh kurdiv. Istoricheskiy ocherk]. Tiflis, 1900. (In Russ.)
14. Khalfin N.A. *Struggle for Kurdistan (The Kurdish Question in International Relations of the 19th Century)* [Bor'ba za Kurdistan (Kurdskiy vopros v mezhdunarodnykh otnosheniakh XIX veka)]. Moscow, 1963. (In Russ.)
15. Minorsky V. *Kurds: notes and impressions* [Kurdy: zametki i vpechatleniya]. Petrograd, 1915. (In Russ.)
16. Nikitin V.P. *Kurds* [Kurdy]. Moscow, Progress, 1964. (In Russ.)
17. Bruinessen M. van. *Agha, Shaikh and State the Social and Political Structures of Kurdistan*. L.; New Jersey, 1992.
18. Tavakkoli M.R. *Kürdistan tasavvuf tarihi*. İstanbul, Hivda iletişim, 2010. (In Turk.)
19. Gutmeyr D. *Borderlands Orientalism or How the Savage Lost his Nobility. The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878*. LIT, 2017.
20. İnalçık H. *Doğu Anadolu Tarihine Toplu Bir Bakış. Sosyal Bilimler Kavşağında Doğu ve Güneydoğu Anadolu, Sempozyum*. Van, Van Valiliği, Yüzüncü Yıl Üniversitesi, 1997. (In Turk.)
21. Tezcan B. The Development of the Use of 'Kurdistan' as a Geographical Description and the Incorporation of this Region into the Ottoman Empire in the 16th Century. Great Ottoman-Turkish Civilization. Ed. Kemal Çiçek. Yeni Türkiye, 2000.
22. Epözdemir Ş. 1514 Amasya Antlaşması, Kürt-Osmanlı İttifakı ve Mevlana İdris-i Bitlisi. İstanbul, Peri Yayınları, 2005. (In Turk.)
23. Sasuni G. *Kürt ulusal hareketleri ve 15.yüzyıldan günümüze Ermeni-Kürt ilişkileri*. İstanbul, Peri Yayınları, 1992. (In Turk.)

- № 1, 1923. URL: <http://www.jstor.org/stable/607166> (дата обращения: 10.09.2022)
28. Erdost M.İ. Şemdinli Röportajı. Kurtuluş Basımevi; Ankara, 1993.
29. Руновский А. Мюридизм и газават по объяснению Шамиля. Махачкала: Юпитер, 1996.
30. Sanders T., Tucker E., Hamburg G. (edit.). Russian-Muslim confrontation in the Caucasus. Alternative visions of the conflict between Imam Shamil and the Russians, 1830–1859. L.; N.Y., 2005.
31. Албогачиева М.С.-Г. Ислам в Ингушетии: этнография и историко-культурные аспекты. СПб., 2017.
32. Гаджи-Али Сын Абдул Мелека Эфенди. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Т. 7. Тифлис, 1873.
33. Driver G.R. Studies in Kurdish History // Bulletin of the School of Oriental Studies, University of London. Vol.2, №3, 1922. URL: <https://www.jstor.org/stable/606996> (дата обращения: 10.09.2022)
34. Alakom R. Kürt-Rus ilişkileri tarihinden Şemsedinov Kürtleri // Kürt Tarihi, Sayı 1, Haziran-Temmuz, 2012.
35. Звегинцов В.В. Хронология Русской армии 1700–1917. Париж, 1961.
36. Бахтadзе И.Л. Кочевники Закавказского края. Свод материалов. Т.3. Ч.2. Тифлис, 1888.
37. Dalrymple W. Return of a King: The Battle for Afghanistan. Bloomsbury Publishing, 2013.
38. Акимушкин О.Ф. Накшбандийа // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 187-188.
39. Kardam A. Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan. Direniş ve isyan yılları. Ankara, 2011.
24. Gunter M. *Historical Dictionary of the Kurds*. Oxford, 2004.
25. Tenik A. *Tarihsel süreçte Kürt coğrafyasında tasavvuf ve tarikatlar*. İstanbul, Nûbihar, 2019. (In Turk.)
26. Kaya M.K. *Seyyid Taha Nehri (Hakkâri)'nin hayatı ve faaliyetleri*. Yüksek Lisans Tezi, Mardin Artuklu Üniversitesi, 2017. (In Turk.)
27. Nikitine B., Soane E.B. The Tale of Suto and Tato: Kurdish Text with Translation and Notes. *Bulletin of the School of Oriental Studies*. University of London. Vol. 3. № 1 (1923).
28. Erdost M.İ. *Şemdinli Röportajı*. Ankara, Kurtuluş Basımevi, 1993. (In Turk.)
29. Runovsky A. *Muridism and ghazavat according to Shamil's explanation* [Myuridizm i gazavat po ob'yasneniyu Shamilya]. Makhachkala: Jupiter, 1996. (In Russ.)
30. Sanders T., Tucker E., Hamburg G. (edit.). *Russian-Muslim confrontation in the Caucasus. Alternative visions of the conflict between Imam Shamil and the Russians, 1830–1859*. L.; N.Y., 2005.
31. Albogachieva M.S.-G. *Islam in Ingushetia: ethnography and historical and cultural aspects* [Islam v Ingushetii: etnografiya i istoriko-kul'turnyye aspekty]. S.Petersburg, 2017. (In Russ.)
32. Haji-Ali Son of Abdul Melek Efendi. *Eyewitness account of Shamil* [Skazaniye ochevidtsa o Shamile]. *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Vol. 7. Tiflis, 1873. (In Russ.)
33. Driver G.R. Studies in Kurdish History. *Bulletin of the School of Oriental Studies*. University of London. Vol. 2, № 3 (1922).
34. Alakom R. Kürt-Rus ilişkileri tarihinden Şemsedinov Kürtleri. *Kürt Tarihi*. Sayı 1, Haziran-Temmuz 2012. (In Turk.)
35. Zvegintsov V.V. *Timeline of the Russian Army 1700–1917* [Khronologiya Russkoy armii 1700–1917]. Paris, 1961. (In Russ.)
36. Bakhtadze I.L. Nomads of the Transcaucasian region. Code of materials [Kochevniki Zakavkazskogo kraja. Svod materialov]. Vol.3. Part 2. Tiflis, 1888. (In Russ.)
37. Dalrymple W. *Return of a King: The Battle for Afghanistan*. Bloomsbury Publishing, 2013.
38. Akimushkin O.F. Naqshbandiya [Nakshbandiya]. *Islam. Encyclopedic Dictionary*. M., 1991. P. 187-188. (In Russ.)
39. Kardam A. *Cizre-Bohtan Beyi Bedirhan. Direniş ve isyan yılları*. Ankara, 2011. (In Turk.)

Поступила в редакцию 09.07.2022 г.
Принята в печать 07.10.2022 г.
Опубликована 30.03.2023 г.

Recieved 09.07.2022
Accepted 07.10.2022
Published 30.03.2023